

91(с19) К
ЕИ

БОРИС ЕВГЕНЬЕВ

СТРЕЛА НАД ОКЕАНОМ

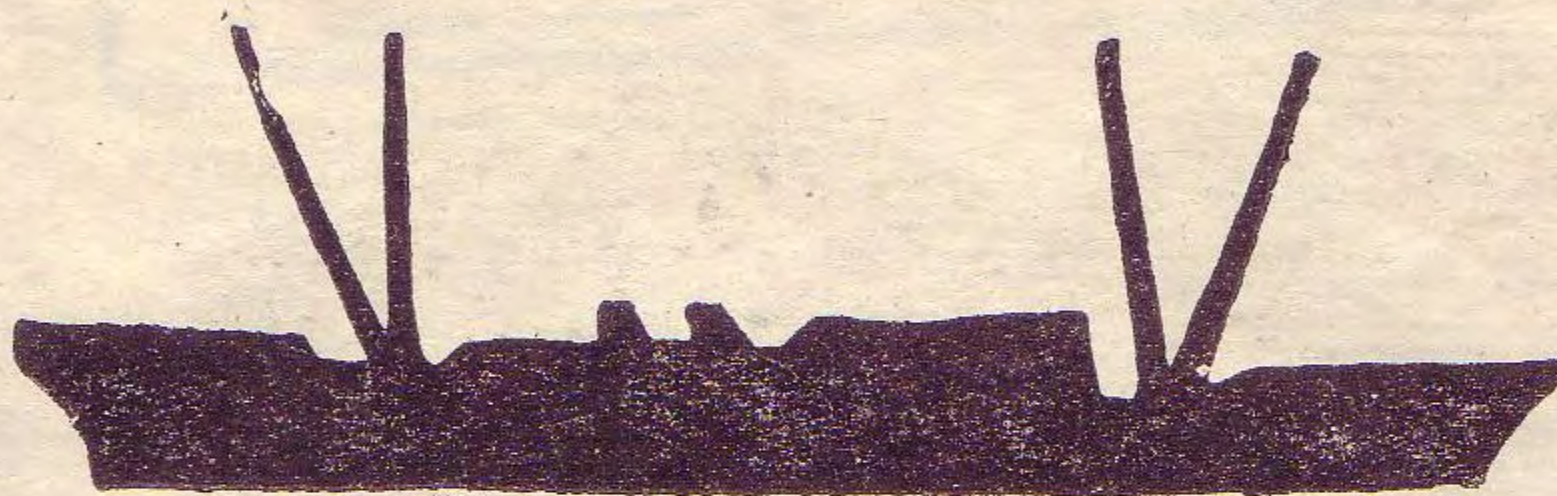
ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

К

91(с19)к

Е14

ПУТЕШЕСТВИЯ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

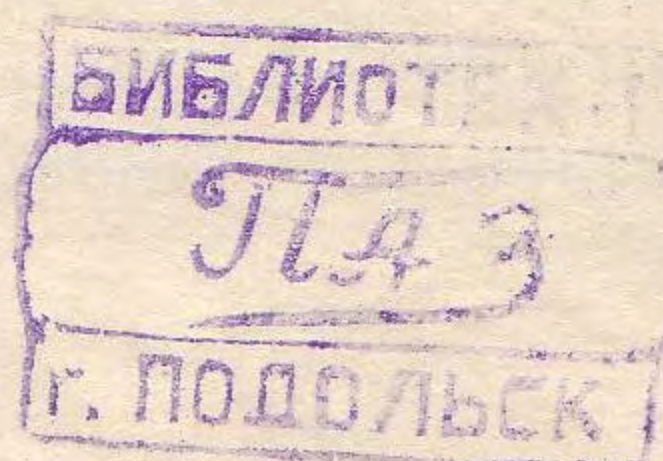
БОРИС ЕВГЕНЬЕВ

СТРЕЛА
НАД
ОКЕАНОМ

ИЗ ЗАПИСОК О ПОЕЗДКЕ
НА КАМЧАТКУ

46902

10089 К

91(09П)
Е-14

Писатель Б. Евгеньев летом 1959 года побывал на Камчатке. На транспортной шхуне ходил на Командорские острова, по реке Камчатке поднялся к подножию Ключевской сопки и дальше — в таежные глубины полуострова, плавал вдоль юго-восточного побережья, жил в Петропавловске. Он встречался с моряками и лесорубами, рыбаками и рабочими, колхозниками и учеными. И обо всем, что писатель увидел и узнал, он рассказывает в книге „Стрела над океаном“: о своеобразной — суровой и щедрой — природе Камчатки, о главном богатстве этого края — его людях, об их самоотверженном труде, направленном к тому, чтобы еще счастливее и краше стала жизнь.

Книгу с большим интересом прочтут все, кого привлекают романтика путешествий, красочные зарисовки природы, живые рассказы о нашем, советском человеке.

Художник В. МЕДВЕДЕВ

ОТ АВТОРА

В детские годы весь мир — игра и тайна.

Пятно на обоях превращается в оскаленную морду тигра. Щепка в ручье, бегущем по мостовой, — в пиратский корабль.

На карте полушарий, висевшей в классе, происходили сказочные превращения. Очертания Южной Америки пугали сходством с головой аллигатора. Скандинавский полуостров был добродушным бобром. Испания — крепко сжатым кулаком. Япония — рассерженным, вставшим на дыбы поджарым драконом. Кто не узнавал в очертаниях Италии ботфорт мушкетера — с раструбом, с высоким щегольским каблуком?

Камчатский полуостров — острый, кремневый, может быть, нефритовый наконечник стрелы, летящей в синие просторы Великого или Тихого океана...

Пожалуй, мне и не вспомнилось бы это детское представление, если бы теперь оно не приобрело для меня иное значение — значение символа далекого прекрасного края.

Стрела, летящая над океаном!

Дело, конечно, не во внешнем сходстве очертаний, а во внутренней сущности символа. Камчатка — далекая северо-восточная окраина советской Родины — в непрестан-

ном движении, в полете. В смелом, быстром полете стрелы, точно направленной в цель.

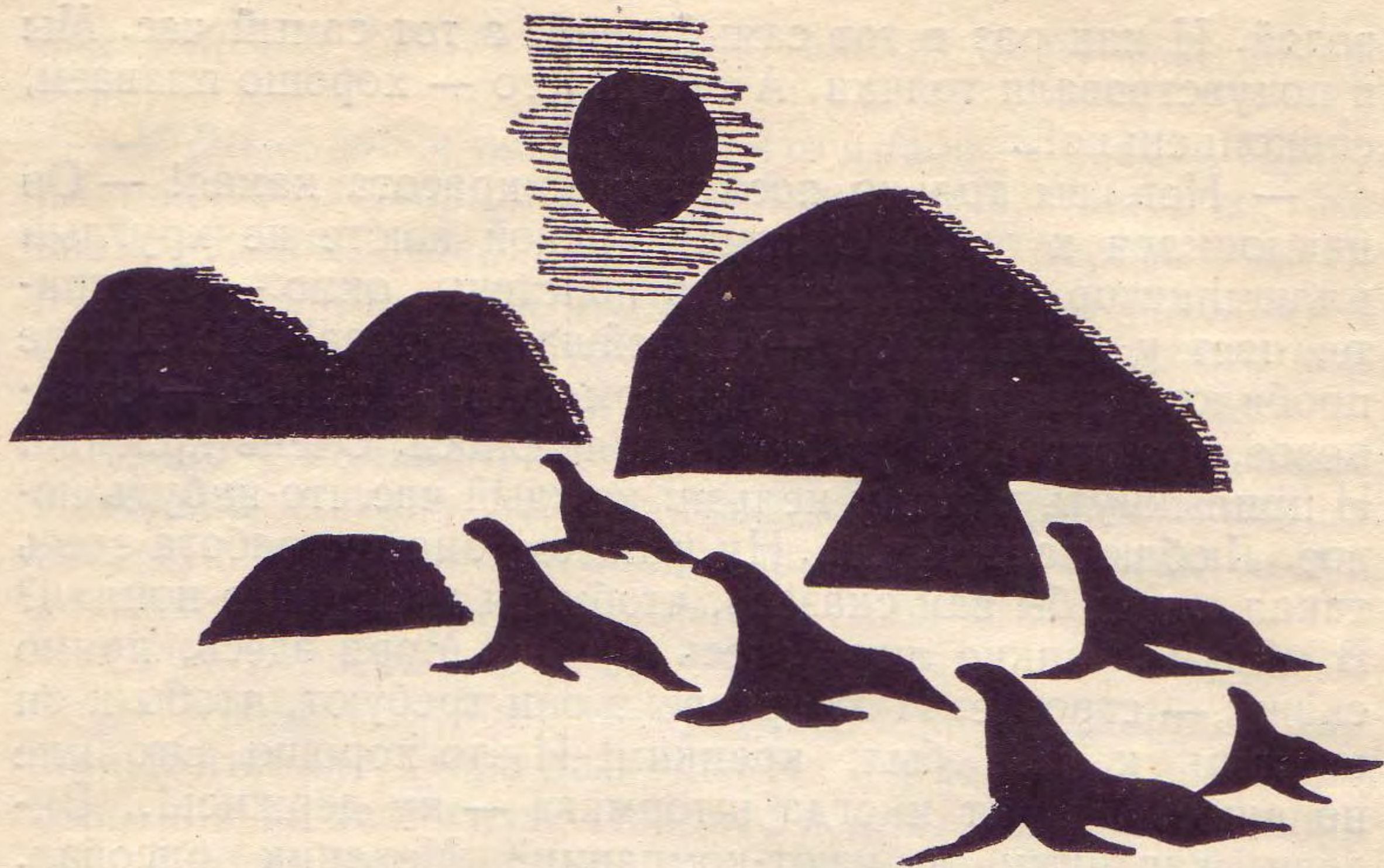
Это наша общая великая цель.

В записках нет вымысла. Нет придуманных эпизодов, положений. Нет придуманных людей.

Вместе с тем я чувствую себя свободнее, чем принято в так называемом «документальном» повествовании. Стремлением к большей свободе, к некоторым обобщениям обусловлено и то, что в книге опущены или изменены имена людей, с которыми мне доводилось встречаться летом 1959 года на Камчатке и Командорских островах.

Записки менее всего «исследование». Это просто рассказ о впечатлениях, иногда, может быть, и случайных. Но это не значит, что я не пытался разобраться в некоторых животрепещущих вопросах и проблемах. Отсюда — небольшое количество публицистических экскурсов.

Камчатка — огромный полуостров, больше Италии. За полтора-два месяца я не мог увидеть всего. Приходилось сталкиваться и с трудностями, с не до конца решенными вопросами. Но больше встречалось доброго, хорошего. И о хорошем хочется рассказывать в первую очередь.

КОМАНДОРЫ

ЗЕМЛЯ!

Ненастный рассвет. Зябко, сыро. На палубе, за что ни схватишься — тросы, поручни, брезент, покрывающий спасательный вельбот, — все мокрое, холодное. То ли от тумана, то ли от дождя, прошедшего ночью.

Ах, каким манящим, каким желанным кажется душное, прокуренное тепло кают-компаний! Но уйти с палубы невозможно: вот-вот откроется земля.

Никто ни минуты не сомневался, что в положенное время и не где-нибудь, а вот именно тут объявится земля. И все-таки все немножко взволнованы. Ну, если и не взволнованы, то в приподнятом настроении. Все на палубе. Все смотрят вперед, по курсу корабля.

Земля! — Слово, извечно волнующее мореплавателей. Земля! — Цель и смысл всех усилий, вложенных в достижение ее, оправдание всех пережитых невзгод, лишений, опасностей...

Океан все так же медлительно вздымает свинцово-серые пологие волны. Но что-то в нем изменилось. Вот оно что: он ожил! Появилось несметное множество птиц.

Быстрые чайки и кайры. Черные бакланы с вытянутыми в полете длинными змеиными шеями. Симпатичные кургузенькие топорки с тупыми красноватыми носами и белыми щечками, с зеленоватым оперением, похожим на плюшевую шкурку игрушечных медвежат.

Они быстро проносились над кораблем, и все в одну сторону — туда, где должна появиться земля. Они кружились над мачтой. Большими стаями покачивались на волнах.

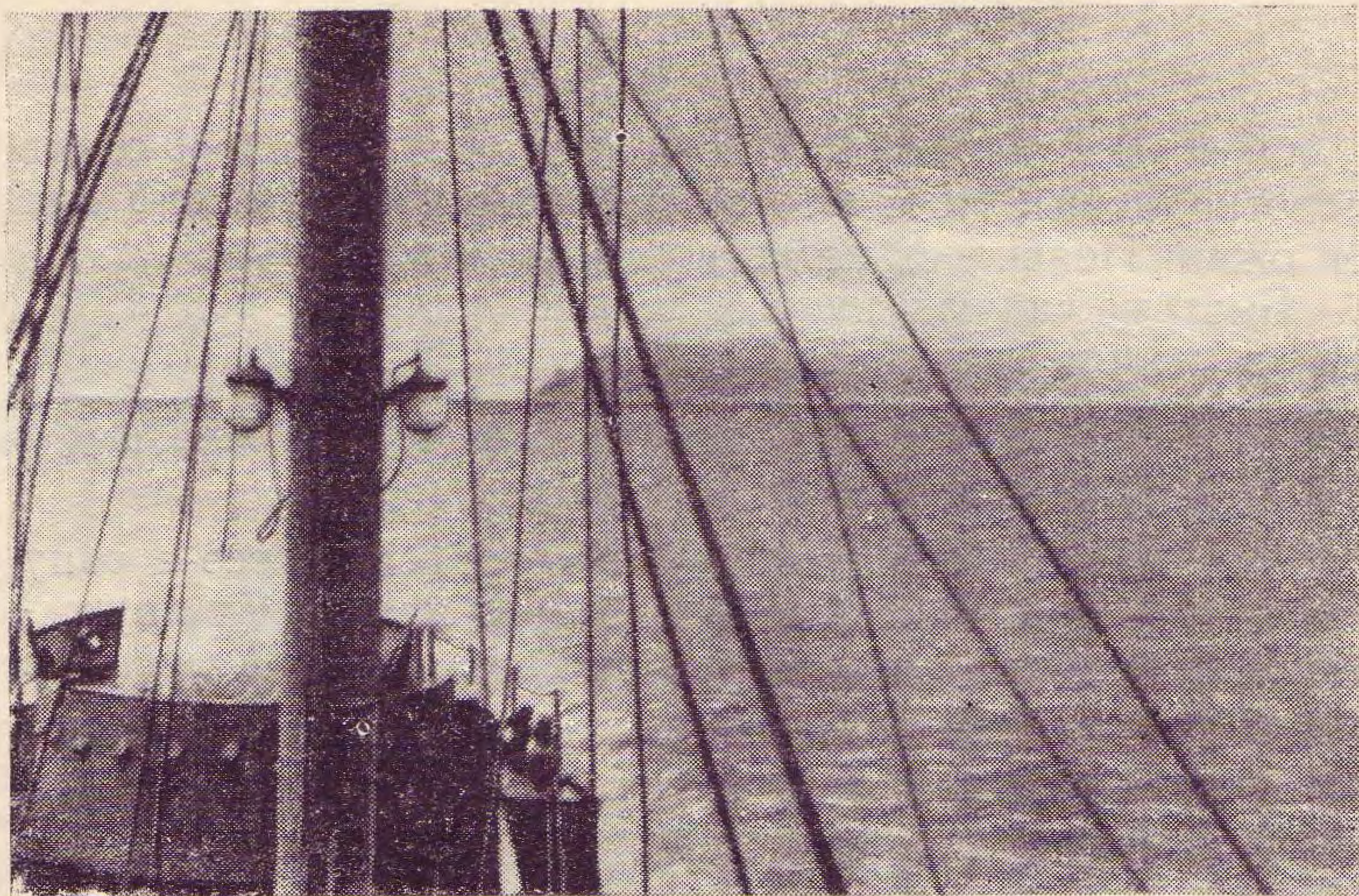
Впереди, по курсу корабля, резвились косатки. Их огромные, веретенообразные тела с острыми акульими плавниками на спинах взлетали над водой, вздымая пенные буруны. Потом они исчезли, но только затем, чтобы появиться совсем близко у корабля — возле самого носа. Вода кипела, бурлила, пенилась от их титанического веселья. Быстрота, с которой эти темно-коричневые, почти черные пятиметровые туши ныряли, выскакивали из воды, вертелись, кружились, казалась невероятной. Черт возьми!.. Ведь это не что-нибудь, а свирепые зубастые киты! Их панически боятся киты значительно более крупные по размерам, но совершенно беззащитные перед этими хищниками северных морей. Косатки загоняют китов на отмели и там расправляются с ними.

Вспомнился какой-то морской рассказ. Матрос плыл после кораблекрушения на утлой лодочке. Поглядел за борт, в воду, — с ужасом увидел устремленные на него глаза, полные холодной, бешеной злобы. Косатка! Она долго плыла за ним... Ужас его понятен: что стоит этому огромному сильному зверю перевернуть не то что лодочку, а любой из наших вельботов?..

Косатки внезапно пропали, словно их и не было. А земли все не видно.

Вдруг у самого борта появилась круглая, облизанная волной голова морского зверя. Котик? Ну, конечно, котик!

Было что-то совершенно человеческое в выражении его глаз, когда он внимательно, строго посмотрел на корабль. И тут же исчез в набежавшей волне... А вот другой, третий!..

Показался остров Медный, синеватый, расплывающийся
в тумане

Как все это необыкновенно: бегущие без конца и края волны океана; нависшие облака; стремительный полет птиц, их резкие печальные крики; яростная игра косаток; неожиданное появление морского зверя...

Все это — не преходящее от века. Так было всегда. Во всяком случае — всегда в пределах человеческой памяти. И одно сознание этого вызывает чувство тревожного восторга. словно ты подсмотрел сокровенную тайну природы...

* *
*

Вдали, под низкими серыми облаками, в белесом тумане проступило темное пятно. Не то остров Топорков, не то Арий Камень — скалистые клочки суши, пристанище птичьих колоний.

А потом показался остров Медный. Синеватый, расплывающийся в тумане. Мы быстро шли вперед. И вот уже отчетливо видны береговые скалы. У их подножия — ребристые черные камни. Неяркая, словно сквозь запотевшее стекло, зелень невысоких сопок.

Вид у островка, затерянного в океане, сумрачный, одинокий. Точно таким, встающим из этих самых волн,

под этим самым низким небом его могли видеть Беринг и Чириков, Сарычев и Коцебу, Крузенштерн и Лисянский, Литке и Головнин. Сколько побывало их здесь, прославленных русских мореплавателей! Они шли этими водами на крутобоких кораблях с высоко поднятой изукрашенной кормой, с позолоченными, подпирающими бушприты фигурами богов и героев проносились на гудящих под ветром парусах...

Слова команды. Быстрая, слаженная суeta на палубе. Гремит якорная цепь.

На воду спущен моторный вельбот. Спущены понтоны. — Надеть спасательные жилеты!

Нескладная одежка эти спасательные жилеты из зеленой прорезиненной ткани! Неужели обязательно их надевать? Впрочем, вон какая зыбь: вельбот так и пляшет на волнах. Напялив жилет, нужно туго стянуть нагрудные ремни. Потом изо всех сил дуть в резиновые трубочки. Жилет распухает. Впервые в жизни чувствуешь себя неповоротливым толстяком...

Вельбот ходко бежит к берегу, тянет на буксире понтоны. Вот уж хорошо виден поселок Преображенское — единственный на острове. Серые домики, острые крыши.

Приятно все-таки, когда нос вельбота с влажным скрежетом врезается в береговую гальку! Два-три неловких прыжка по доскам, переброшенным с берега на вельбот, — и вот она, земля! Слегка пошатывается.

Сколько народу высыпало на берег! Сколько среди встречающих ребятишек!

Поселок маленький — не знаю, наберется ли в нем три десятка домов. Некоторые из них, говорят, чуть ли не столетней давности: построены, когда на островке вольготно хозяйничали японские и американские хищники.

Под крышами висят связки вяленой рыбы. Да ведь это ж юкола! Она так хорошо знакома по Джеку Лондону, будто ты сам кормил ею своих ездовых собак.

В окнах много цветов: фуксия «царские кудри», бегония, герань.

Домик начальной школы. Сейчас каникулы. Низенькие парты сдвинуты к стене, на стоячих школьных счетах тоже висят связки сушеной рыбы.

Двухэтажное, деревянное, нерусского вида, поседевшее от времени и непогоды здание сельсовета с красной фанерной звездой над входом.

Серые домики, острые крыши. Поселок Преображенское — единственный на острове Медном

А вот и магазин. Не киоск, не лавочка — магазин. В просторном помещении, на широких полках — все, что нужно человеку. От разных круп, масла, шоколадных конфет «Красная шапочка», духов, зубной пасты, стихов Сергея Острового до резиновых сапог, пил, топоров, рыболовных крючков.

На стене магазина, на большом листе оберточной бумаги, — объявление, старательно написанное лиловыми чернилами: подписка на газеты и журналы.

На берегу, на голубой гальке, лежат килем вверх длинные черные лодки. Вокруг бухты скалы, сопки. А за ними долина, еще сопки, снова скалы, снова океан. Кругом океан!

Никто не жил на Командорских островах, когда их открыли. Заходили суда промысловиков, били котиков, морских бобров-каланов. Изредка оставались на зимовку. Российско-Американская компания переселила на Командоры несколько семей алеутов с Алеутских островов промыслять морского зверя. Охотно захаживали сюда иностранцы, даже селились на островах, привлеченные обилием «мягкого золота» — драгоценной пушнины.

Вокруг бухты — скалы, сопки (остров Медный)

Теперь на Медном живет несколько алеутских, несколько русских семей. В основном промысловики-охотники.

Хочется еще побродить по поселку, но вдруг по долине задувает холодный ветер, наползает туман, начинается морось — мельчайший дождь, вернее — туман, гонимый сильным ветром. Что поделаешь, Командоры — самое туманное, самое облачное место в Советском Союзе...

К вечеру прояснило. До начала литературного вечера в клубе оставалось больше часа. Снова захотелось пойти побродить.

Это ведь был первый день на Командорах, на острове Медном. И меня все время тянуло ходить и смотреть, ходить и смотреть. Пошел по тропе к прибрежным скалам. Смеркалось.

Над мглистой пустыней океана холодно, угрюмо светилось придавленное низкими облаками, изорванное ветром, оранжевое крыло зари. Синяя-синяя, почти черная полоса резко отделяла зарю от поверхности океана. И все кругом: береговые утесы, поселок, оставшийся позади, — все тонуло в туманной мгле.

На этом плоском обломке скалы можно посидеть, покурить...

Хаотическое нагромождение камней, ребристых, будто гигантские кристаллы (остров Медный)

Прямо передо мной — хаотическое нагромождение камней. Круглых, как спины притаившихся зверей, угловатых, ребристых, будто гигантские кристаллы. Угольно-черные, они четко обрисованы на фоне медленно гаснущей зари. Ветер негромко посвистывает в жесткой траве. А за камнями слышно беспокойное бормотание волн. Кажется, они подбираются ближе, ближе...

Честно говоря, было немного жутковато. И необыкновенно хорошо!..

Все, что окружало меня здесь, было новым, необычным, не виденным никогда. И в то же время... Ох, уж эта дурная привычка полагаться на жизненный опыт с литературными образами!.. Но то, что я видел сейчас вокруг себя, было удивительно похоже на иллюстрацию Дорэ — не то к Библии, не то к «Божественной комедии». Такие же грозно нависшие, клубящиеся облака, иззубренные скалы...

Как это у Данте:

... Мы подошли к окраине обвала,
Где груда скал под нашею пятой
Еще страшней пучину открывала...

Чего только не придет в голову, когда сидишь один в незнакомом месте, особенно если это пустынный берег океана в сумеречный час!..

Одно дело знать, что Камчатка, Командорские острова — северо-восточная окраина Советской земли. Другое дело зримо, физически ощутить это.

За черными камнями передо мной — трудно вообразимое пространство Мирового океана. Восточнее, на расстоянии многих сотен километров отсюда, — берега Аляски. До них, не считая островов Прибылова, — ни одного большого клочка суши в океане. Южнее — цепочка Алеутских островов. За ними, еще южнее, в безмерной пустыне воды, — Гавай. Атолл Куре. Атолл Мидуэй. Те же волны, что глухо, сердито плещутся в двух метрах от меня, возможно, омывали их коралловые берега...

Стемнело. Но бледный отблеск зари все еще стоял над океаном. Подул сильный сырой ветер. Из-за камней доносился неумолчный ропот волн. Он стал будто слышнее, явственнее.

Со стороны прибрежных скал, отвесной стеною обрывающихся к воде, донесся слабый, невыразимо печальный крик кайры, чем-то потревоженной во сне.

В отдалении приветно мерцали огоньки. Там селение Преображенское, — десятка два небольших домиков. Там люди.

Не прошло и получаса, как я сидел на маленькой клубной сцене, за столом, покрытым розовой плюшевой скатертью. Зал ярко освещен, украшен флажками. Справа на стене, на красном полотнище, призыв:

ДАДИМ ГОСУДАРСТВУ
ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННЫЕ ШКУРКИ КОТИКОВ
ЗАГОТОВИМ В ИЗОБИЛИИ
РЫБО-МЯСНЫЕ КОРМА

Зал переполнен. В передних рядах сидят принарядившиеся пожилые алеутки и алеуты. Много молодежи. Много вездесущей детворы. В общем — обычный литературный вечер в масштабах клуба сельсовета.

Но, по правде говоря, трудно было полностью отрешиться от мысли, что за стенами клуба, в ночном сыром сумраке, вокруг этого крошечного островка — черная пустыня океана...

ТЕНЬ КОМАНДОРА

Остров Беринга — по крайней мере оттуда, откуда мы увидели его, — не выглядит так романтически сурово, как Медный. Нет обрывистых скал, нагромождений каменных глыб на берегу.

Полукруглая тихая бухта. Белые дюны. Невысокие сопки с плоскими, словно срезанными вершинами. За ними, в отдалении, другие — те уже синие. А за синими — дымчато-голубые, сливающиеся с серым облачным небом.

На берегу бухты — поселок, значительно бóльший, чем на Медном. Центр Алеутского района Камчатской области — село Никольское.

* * *

Подожли мы к острову не с той стороны, с которой его увидел с борта пакетбота «Св. Петр» Витус Беринг. И все же, глядя на дюны и сопки, невозможно отрешиться от мысли, что примерно так же смотрел на этот остров с океана больной и несчастный капитан-командор.

Смотреть-то смотрел, но, конечно, совсем не так... В этом острове он видел спасение от неминуемой гибели корабля и всей команды, не зная, что лично для него это всего лишь небольшая отсрочка близкого конца. Он с трудом вышел на палубу из своей душной нечистой каюты. Зябко кутаясь в потертый меховой плащ, широко расставив короткие толстые ноги, смотрел он в подзорную трубу на неведомую землю. На его давно небритом, щекастом лице смертельная усталость и равнодушие сменились выражением тревожного ожидания. Что это за земля, он не знал.

Но все-таки в ней было спасение.

Можно по-разному оценивать деятельность и заслуги Витуса Беринга, человека, не доведшего в полной мере до конца порученного ему дела; человека, говорят, доброго, но слабого, нерешительного, заплатившего за

свою нерешительность собственной жизнью и жизнью русских матросов; мореплавателя, чьим именем названы огромное море, пролив, отделяющий Азию от Америки, и остров, ставший его могилой.

Но трудно не испытывать душевного волнения, вспоминая о последнем этапе его скитаний по северным морям, приведших к этому острову.

16 июля 1741 года, после полуторамесячного плавания от берегов Камчатки на восток, Беринг и его спутники впервые увидели землю: величественная горная вершина, покрытая снегом и льдом, поднялась над океаном. Это была одна из высочайших гор Северной Америки, ныне известная под названием горы Св. Ильи.

Беринга поздравляли. Он равнодушно отмалчивался. И только позднее сказал двум участникам экспедиции — полковнику Плениснеру и натуралисту Стеллеру: «Мы не знаем, где мы, как далеко от дома и что нас вообще ожидает впереди...»

Сколько в этих словах тоски, обреченности, усталости старого скитальца по суровым морям, взявшего на свои плечи непосильную ему задачу, вероятно, понимавшего это и, быть может, предчувствовавшего свой недалекий конец!..

Обратный путь Беринга от берегов Америки — сплошное бедствие.

Пакетбот не переставая трепали жесточайшие бури. Старый штурман Эзельберг, проплававший пятьдесят лет по всем морям и океанам, признавался, что не видел таких штормов. Кораблем невозможно было управлять — его носило по прихоти волн. Жесточайшая качка выматывала силы даже у крепких, закаленных моряков. Половина команды была больна цингой, люди умирали каждый день.

«Не подумайте, — пишет Стеллер, — что я преувеличиваю наши бедствия: поверьте, что самое красноречивое перо не в состоянии было бы передать весь ужас, пережитый нами...» Это пишет отважный человек, который, по словам академика Л. С. Берга, «... не останавливался ни перед какими трудностями и вел жизнь самую простую. Всякое платье и всякий сапог были ему впору. Всегда он был весел...»

Беринг тоже болел цингой, лежал. Судном управляли штурманы — швед Свен Ваксель и Софрон Хитров.

Ваксель рассказывает: «В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто мог бы помочь в управлении судном. Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра... Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться... И при всем том стояла поздняя осень, октябрь — ноябрь, с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, крупой и дождем...»

Утром 4 ноября показалась земля.

«Невозможно описать, — пишет Стеллер, — как велика была радость всех, когда увидели землю. Умиравшие выползали наверх, чтобы увидеть ее собственными глазами...»

Поднялся и больной капитан-командор. Землю приняли за Камчатку, даже узнавали окрестности Авачинской бухты. Всем хотелось верить, что это именно так.

Корабль был в отчаянном положении. Снасти порвались, парусами управлять было нельзя. Из всей команды могли работать десять человек.

Отдали якорь, начали разворачивать канат, но он порвался. Каждую минуту волны могли бросить пакетбот на утес, угрожающе торчавший из воды. Они с такой яростью били пакетбот, что он дрожал, стонал. Отдали второй якорь — и снова порвался канат. И тут произошло чудо. С ревом налетел громадный вал. Он мог бы в щепы разбить пакетбот, но подхватил его и... перебросил через утес. «Св. Петр» оказался в спокойной воде.

Беринга на носилках доставили на берег. Он понимал, что земля, приютившая их, — не Камчатка. Но команде об этом не сказал: не хотел лишать измученных людей ложной надежды.

Умер он ночью 8 декабря 1741 года. Умер в песчаной яме — землянке, вырытой для него и покрытой сверху парусиной.

«Можно сказать, что еще при жизни он погребен был, — говорится в «Ежемесячных сочинениях» за 1758 г., — ибо в яме, в которой он больной лежал, песок, осыпаясь, заваливал ему ноги, коего он огребать не велел, говоря, что ему оттого тепло, а, впрочем, он согреться не мог. И так песку навалилось на него по пояс, а как он

скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтобы тело пристойным образом предать земле...»

После смерти Беринга командование принял Свен Ваксель. Оставшиеся в живых 46 человек жили на острове девять месяцев в вырытых в песке ямах, покрытых парусиной, — в «могилках», по образному выражению Стеллера. Жили трудно — голодно, холодно. Питались мясом котиков, тюленей, сивучей, ели, как писал Ваксель, «непотребную и натуре человеческой противную пищу».

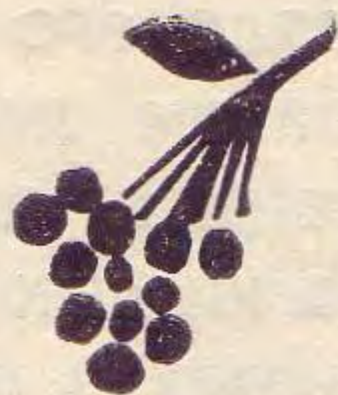
По словам Софрона Хитрова, «ветры бывают на сем острове так жестоко сильные, что с великою нуждсю человеку на ногах устоять возможно. И можно сказать, что мы от декабря месяца до самого марта от тех жестоких ветров и снежной сверху и с гор пурги редко видали красной или чистой день...»

В первых числах мая из остатков «Св. Петра» стали строить новое судно. Оно было готово к началу августа. 13 августа вышли в море, дав покинутому острову имя капитана-командора Беринга. Через четыре дня увидели землю — Камчатку.

* *
*

... Могила Беринга точно не известна. Много позднее Российско-Американская компания поставила на предполагаемом месте могилы, в юго-восточной части острова, деревянный крест, он был заменен впоследствии стальным. Через полтора года лет со дня смерти командора экипаж шхуны «Алеут» в ограде церкви в Никольском поставил железный крест. Он стоит и сейчас, огражденный тяжелой якорной цепью.

Рядом с бывшей церковью — теперь в ней Дом культуры — белый обелиск. Здесь установлен памятник Берингу. Бронзовый бюст командора изваян по заказу Алеутского райисполкома ленинградским скульптором А. Черницким.

В НИКОЛЬСКОМ

Поднявшись на невысокий зеленый холм, можно увидеть все Никольское: крыши, песчаные улочки, зеленые квадраты огородов. За селом — бухта, излучина реки, береговые дюны, а за ними — дали неоглядные, нескончаемая вереница плоских сопок.

Вот чего не хватает в этом широком просторе — деревьев! Или с ними нарушится своеобразие пейзажа? Нет, все-таки хотелось бы увидеть хоть синюю полосу леса вдали.

Учительница географии здешней школы даже немного обиделась, когда я сказал: «Жаль, что нет у вас деревьев». — «Как же так? Деревья есть!.. В одном распадке растет ивняк. Вот такой!» — Она вытянула руку метра на полтора над полом. — «И рябинка есть — невысокая, да зато не горькая, а кисленькая. А грибов сколько?!»

Восемь лет она прожила на острове Беринга. Любит его и хорошо знает. Много раз ходила с ребятами в походы: она ведь к тому же и председатель общества по изучению полезных ископаемых на острове...

Я долго шел берегом небольшой речушки Гаваньской. Поселка уже не видно: он там, за холмом.

Ветер. Тишина. Изредка плеснет в реке рыба.

«...Одно почти там увеселение смотреть на превысокие и нетающим снегом покрытые горы, или живучи при море слушать шуму морского волнения, и глядя на разных морских животных примечать нравы их и взаимную вражду и дружбу...»

Так написал в своей прекрасной книге о Камчатке Степан Петрович Крашенинников. Видно, и ему, человеку ломоносовской выучки, на редкость скромному, мужественному, случалось загрустить, вспомнить о доме, с которым он был в разлуке десять лет. Вот и прорвались в его вообще-то скупом на чувства научном сочинении нотки приглушенной грусти...

Наилучшее лекарство от этого — общение с людьми. Повернем-ка назад!..

Медленно бредет через бухту возле устья реки стадо коров
(остров Беринга)

С океана задувает сильный ветер. Начинается прилив. Прибрежные камни скрылись под приливной волной.

Большое стадо черно-белых коров переходит бухту возле устья реки — возвращается с болотистых лугов за дюнами. Коровы бредут по брюхо в воде, бредут спокойно, неторопливо — видно, привыкли к этому. Я нагнал стадо на окраинной улице поселка. К знакомому деревенскому теплomu и доброму запаху парного молока, всегда сопутствующему стаду, примешивался острый свежий запах моря...

На центральной улице поселка — стук и гром. В узкие глубокие траншеи опускают трубы. Оглушительно стучат по ним, подгоняя одну к другой. Прокладывают водопровод — говорят, самый северо-восточный водопровод в стране.

Под крышами многих домов, как и на Медном, висят связки юколы. И в отличие от Медного здесь почти перед каждым домом — небольшие, заботливо обработанные, густо и весело зеленеющие картофельные огороды.

А это что за необыкновенное растение на окне? Буйно вьется, листья похожи на виноградные, ярко-желтые

цветы. Оно так заполнило собою все окно, что в комнате, наверное, темно. Да ведь это ж огурцы! Вот они висят на стеблях — свеженькие, зеленые, покрытые пупырышками! Их здесь разводят, как у нас павловские лимоны, на окнах, в ящиках. В открытом грунте огурцы не вызревают.

* * *

В редакции районной газеты «Алеутская звезда» меня познакомили со Степаном Лаврентьевичем Голодовым. Он один из энтузиастов огородного хозяйства, да и вообще всех зеленых насаждений на острове.

Впрочем, не только этим известен здесь старый, почтенный алеут: большая, честно прожитая трудовая жизнь — вот что дает ему всеобщий почет и уважение. Старейший на острове коммунист, ныне он пенсионер, глава большой семьи Голодовых; члены ее работают на промыслах, на звероферме. И сам он в прошлом прославленный охотник-промысловик.

Старик хорошо помнит далекие времена, помнит, как на островах хозяйничали незванные японские и американские пришельцы, которые истребляли котиков, спаивали население.

Степан Лаврентьевич скуповат на слова, когда говорит о себе. Но вот речь заходит о том, что здесь было и что есть теперь. И вдруг он говорит с взволнованной искренностью:

— Душа у народа стала другая! — И добавляет как-то даже торжественно: — Радость на душе человека!

Сильно прозвучали эти слова, несколько неожиданные в устах сдержанного, спокойного старика!.. Смуглое морщинистое лицо его исполнено достоинства и той привлекательной душевной ласковости, какую нередко замечаешь у людей, проживших большую, нелегкую жизнь.

И как-то сразу становится понятным, почему на склоне лет старый охотник стал пропагандистом зеленых насаждений на острове. Часами копается он в своем маленьком огороде, бродит по сопкам и тундре в поисках полезных растений — а их здесь немало, — раздает соседям рассаду, семена. Личным примером, убеждением учит он людей разводить огороды, сажать цветы. Ведь раньше-то

этого никогда не было и никто не думал об огородах и цветах. Жизнь была темной, безрадостной. А это — новое, светлое, хорошее. Это дает радость душе!..

* * *

На окраине поселка встречаюсь с худощавым, спортивного вида молодым человеком в куртке, в резиновых сапогах. В одной руке у него длинный чехол с удочками, в другой — брезентовый мешок, полный рыбы.

— Много наловили?

— Как на чей взгляд! Здесь ведь это не проблема. Да и ходил-то всего на часок — поразмяться. Полдня за книгами просидел...

Не спеша идем по улице.

Это один из местных учителей. Уроженец острова Беринга, он долго жил в Ленинграде — учился в педагогическом институте. И как только окончил институт, вернулся на свой родной остров, стал учителем. Преполагает физику и математику в старших классах здешней школы. Вернулся не один — с молодой женой. Есть у него теперь и маленькая дочка.

— Если бы вы только знали, сколько нового увидел я здесь!.. Электростанция, школа, большой зверокомбинат... Вам, может быть, кажется, что все это не так уж и значительно. Но для меня-то это все свое, родное!..

Он единственный на островах алеут с высшим образованием. Хочет учиться дальше — поступить на заочное отделение математического института. В школе у него большая нагрузка — 48 часов. Досуг отдает книгам, спорту — он лучший самбист района. Увлекается астрономией, атомной физикой.

У него продолговатое лицо, нос горбинкой, светлые глаза, русые волосы.

— Мне говорили, что вы алеут. Ничуть не похожи! Да и имя скандинавское — Эрик...

Смеется, показывая прекрасные зубы.

— Отец у меня латыш. Плавал в здешних водах судовым механиком. А мать — чистокровная алеутка. И я себя считаю алеутом. Не только по паспорту. Я родился и вырос здесь. Остров — моя родина. Люблю этот край и никуда отсюда не уеду. Я — алеут!

Приятно смотреть на этого молодого человека со скандинавским именем и душой алеута: он так и светится радостью жизни, бодростью. Хороший советский парень!..

— Дело, конечно, не в том, что я алеут, или казах, или там белорус,— говорит он, глядя на меня большими светло-серыми глазами.— Дело в том, что я, алеут, чувствую себя советским человеком — человеком, которому открыты все пути, все возможности в жизни. Вот что главное!..

Слушая его, я вспоминаю книгу американского исследователя Теда Бэнка об унанганах, как называют себя алеуты, живущие на Алеутских островах под звездно-полосатым флагом Америки. Бэнк пишет, что в давние времена население островов росло, достигло процветания, положив начало культуре, быть может, самой примечательной в Северной Америке. А сейчас?.. Деревни алеутов опустели. Мужчины уходят на заработки. Женщины едва справляются с жалким хозяйством. Средняя продолжительность жизни алеутов на острове Атха — двадцать пять лет. Сорок процентов его жителей больны туберкулезом... А почему так? Да потому, что там никому не нужна горстка «диких» людей. Мало того, что природные богатства Алеутских островов безудержно расхищаются, они, эти острова, прежде всего служат для строительства на них военно-морских и военно-воздушных баз США...

Я рассказал ему об этой книге.

— Не читал, надо будет прочесть,— коротко сказал он.

Некоторое время шли молча. Вдруг он рассмеялся:

— Помните, в «Горе от ума»? — «В Камчатку сослан был, вернулся алеутом...» То есть одичал, вернулся дикарем... А вы видели наших стариков — Волокитина, Голодова, Яковлева? Славные старики, правда? Есть еще у нас Евдокия Георгиевна, пенсионерка, сейчас на время уехала к родным в Петропавловск. Она депутат районного совета, народный заседатель, член женсовета села. А в прошлом — первая комсомолка среди алеуток, одна из организаторов комсомольской ячейки на Командорах. Удивительно живой, интересный человек! А какая у нас хорошая молодежь! Вот познакомьтесь с Вале́й Хаба́ровой... Мы небольшая народность, нас, алеутов, мало. Но разве дело в этом? Разве это мешает нам чувствовать себя равными со всеми советскими народами?

	<i>Стр.</i>
От автора.	5
Далеко или близко?	7
Под крылом самолета — Камчатка.	7
Как видеть, что видеть	11
На борту корабля	15
Транспортная шхуна.	15
Отечественные аргонавты	17
Дыхание океана.	22
О будничном героизме.	23
В командирской каюте	25
Командоры	28
Земля!.	28
Старожилы.	36
Цветы Командорских островов.	39
По острову.	44
Вечером.	48
Тень командора.	50
В Никольском.	54
Про котиков.	59
Звериный городок.	63
Валентина Николаевна.	66
Еще одна Валентина.	69
В библиотеке.	71
«Алеутская звезда».	73
Кожаная папка и ученическая тетрадь	75
Баллада о корреспонденте	78
Усть - Камчатск	82
На «материк».	82
«Новая жизнь».	85
Рыбоконсервный завод	89
Размышления о рыбе.	92
Траулер вернулся в порт	103
Богатырский труд.	109

Уйкоаль — большая река	112
Речные просторы.	112
В Ключах.	119
ДОК.	122
У вулканологов.	125
Вверх по реке	131
Молодость.	135
В лесном краю.	138
Крылья Камчатки.	146
Горячая земля	150
Петропавловск	157
Прогулки по городу.	157
На петропавловской судовой верфи.	171
Большая лаборатория	177
Баллада о геодезисте.	183
Вилучинская бухта	186
Краеведческий музей.	193

16902

Борис Евгеньев

СТРЕЛА НАД ОКЕАНОМ

Редактор В. М. Стригин

Младший редактор Р. К. Беличенко

Художественный редактор С. С. Верховский

Технический редактор С. М. Кошелева

Корректор О. П. Горшкова

✱

Т-05878. Сдано в производство 15/III—61 г. Подписано в печать 17/XI—61 г. Формат 84×108³/₃₂. Печатных листов 6,25. Условных листов 10,25. Издательских листов 10,07. Тираж 70 000. Цена 30 коп.

✱

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28
Заказ № 1596